

Илья
Аргентум

ШЁПОТЫ ЛИСТВЫ

* * *

Бегут трамваи с севера на юг,
Ползет гроза от юга и на север,
Диск солнечный описывает круг,
Ласкает кожу теплый летний ветер.

Провинциальный не хитер пейзаж,
Как не хитры обыденные судьбы –
Смешной, неровно склеенный коллаж,
Составленный
«скорей бы как-нибудь бы».

Окинув жизнь с полудня на восход,
Вопросом задаешься вдруг невольно:
Господь всевышний, кто же так живет?
Зачем так глупо, мелочно и больно?

Не даст ответа шепот летних трав,
И солнце занято неспешным ходом.
Кто все придумал, однозначно прав,
Прав, как судьба,

как муза,

как природа.

ПОЛДЕНЬ

Печат зрачок небес ультрамарин
И охлаждает зелень изумруда.
Понуро спят до часа фонари,
Когда приходит сумрак ниоткуда.

А нынче полдень. Жёсток белый свет,
Ликующ каждый лист; он тонкой жилой
То тянется к лепечущей траве,
То с ветром рвётся ввысь неудержимо.

Бросает тополь листьями сердца,
Шутливо клён свои качает звёзды.
Не открывая ясного лица,
Словно в хиджаб, одета в летний воздух,

Природа-дева к тонким льнёт стволам,
Смеётся в небо светлым птичьим пеньем.
Едва ли верно подобрать слова,
Чтобы полудня передать смятенье!

Восторгом этим полдень опьянен,
Шатается в сияющем дурмане,
Но с грустью смотрит небо на неё,
Заранее обоих понимая:

Зажгутся фонари, минует день,
Минует лето, осень разгорится!
А нынче полдень не пускает тень
И шёпот листьев скрадывает лица.

* * *

В моей душе лежат сокровища.
Я ключ вручал кому попало.
Я вопрошал толпу: «Кому еще
Янтарь, топазы и опалы?»

Кому алмазы вдохновения
И жемчуга стихотворений?»
В ответ-гонения, гонения,
Года гноящихся гонений:

Бесилось влать тупое сборище,
Срываясь вниз мясною грудой,
И ржало пьяное чудовище
Над хрусталем и изумрудом.

Вскую каменя эти, Господи,
Раз никому до них нет дела,
Покуда носит эти россыпи
Мое болезненное тело?

Всевышний, сколько было сказано!
Уже ли это кто-то понял?
Молчит лазурь порфиры пасмурной,
И ключ впивается в ладони.

* * *

Для жизни, знай, не так уж много надо.
Узки границы для существованья:
Подаренная плитка шоколада
И скоттиш-фолда сонное мурчанье,

Луч солнечного света на паркете,
Кружение пылинок в хороводе;
Веселые, смеющиеся дети,
Пусть не твои, пусть только на работе,

Шершавая сухая тонкость сосен,
Небес ультрамарин первоапрельский,
Весна, скорей похожая на осень,
Чужого сердца стук неровно-резкий.

Прими это проверенное кредо
И примиись с полученной судьбою.
Лишь только свет на зеркале паркета,
Лишь солнце между богом и тобою.

* * *

Блестят по урнам конфетти
И мишура.
Окончен бал. Промчались праздники.
Пора.

Пусть будет нечего встречать:
Прошёл январь!..
Пройдут досада, и печаль,
И хворь, и хмарь.
Пройдут удача и фавор
Вновь стороной.
Вновь всё изменится с тех пор.
Терпи. Не ной.
И одиночество твоё, как блажь,
Пройдёт,
Пройдёт зима, настанет март,
Растает лёд.
Сорвётся с рук измятый лист
Календаря.
Круговорот и тел, и лиц
Кружил не зря.
Пройдут и молодость, и боль,
И чудеса,
Прольётся первая весенняя
Гроза,
Стеной за нею хлынут летние
Дожди.
И всё пройдёт, и всё случится.
Подожди.

* * *

Тих зимний вечер, мягок зимний свет.
Прислушайся,
вот кровь течёт по венам,
Вот сочиняет новый стих поэт,
Вот в раковине лопается пена.

Бежит вода, стекая в никуда,
И флейты-трубы стонут от потоков.
Во тьме мерцает первая звезда,
Грустя о том, как в небе одиноко.

Прислушайся, узнай из первых уст
Жизнь бытия под лёгким флёром быта.
Услышь под сапогами снежный хруст,
Зов книги, что поныне не открыта.

Впусти в себя и блик, и знак, и звук
И растворяйся в малом и великом,
Раскинь хитросплетенья тонких рук
Немым навстречу мирозданью криком.

Послушай звоны звёзд и гул планет,
Усни на этом королевском лоне...
Тих зимний вечер, мягок зимний свет,
И нежно время капает в ладони.

* * *

В предрассветных сумерках, во мгле
Мягче острое, круглей прямое.
Дворничиха сонная, метель,
Снегу вовсе не даёт покоя.

Замер мир без меры, не дыша,
Сущее – от пропастей до высей –
Алчет первых криков малыша,
Что благою вестью раздались бы.

Горизонт салеет на глазах,
Словно акварелью капля крови.
Терниев шипы, а не лоза
Шапку надвинутся на брови.

Вечером накрытым будет стол,
Прощены давнишние обиды.
Ночью люди встретят Рождество.
Люди спят и ничего не видят.

* * *

В этом доме будут жить цветы:
Гиацинты, маки и фиалки,
Ведь ничто не терпит пустоты.
Даже дому своих комнат жалко

Стало, и он, брошенный, зацвёл,
Цветом весь наполненный и звуком,
И лиан зелёный ореол
Резкость досок сгладил полукругом.

В этом доме, что был пуст и прост,
Что покинут был,
забыт и брошен,
Вновь живут: душистой розы куст,
Резеда, и мята, и горошек,

Львиный зев, разинув гордо пасть,
Запахом рычит в молчанье комнат.

В этом доме хочется пропасть,
В красоте такой себя не помня.

В этом доме, в лоне тишины,
Шёпоты листвы и песни цвета,
Словно в землях неземной страны,
Где царит безвременное лето,

Где смеются лотос и шалфей,
Где природы розовое детство.
В этом доме вовсе нет людей,
В этом доме мир и совершенство.

* * *

Всевышний,
можно мне не торопиться,
Глазами обнимать рябую осень
И пальцами ласкать родные лица,
Ложиться в полночь,
просыпаться в восемь?

Всевышний,
можно миг отдохновенный,
Чтоб на обед в коротком перерыве
Стих выплакать неровно-откровенный,
Больной души прекрасные порывы?

Позволь хлебнуть глоток
небесной сини,
Дай лист опавший вместо амулета!
Поговорим с тобой, как меж своими,
О том, что жизни скоротечно лето,

О том, что каждый миг,
прожитый в спешке,
Становится
бессмысленной пустышкой.
Послушай свою взмыленную пешку,
Считающую жизнь по передышкам!

Всевышний,
можно сбавить обороты,
Медовым вдоволь октябрём напиться?
Мне не войти в вираж за поворотом.
Всевышний,
можно мне не торопиться?

СТАРУШКА В ПАРКЕ

Старушка села в пожелтевшем парке
 Перевести дыхание на прогулке.
 Дыханье спёрло, шарфик душит жарко,
 И чайки стонут муторно и гулко.

С часами башня –
 вот уж скоро полдень –
 Склонилась
 над пришелицей случайной,
 Река несла седеющие волны,
 Серело небо траурно-печально.

Старушка вспоминала, позабывшись,
 Запаятовав месяц и столетье...
 Сияли солнцем жестяные крыши,
 Беспечно-звонко хохотали дети,

И юный парк, ещё едва зелёный,
 Но полный жизнерадостного шума,
 Звенел и пел
 под солнцем раскалённым,
 Поклявшийся вовек
 не стать угрюмым...

Удар – и бьют часы: настало время.
 На башне полдень, и тоска на сердце.
 Немыслимое тягостное бремя
 Костям усталым не даёт согреться,

Ведь в осень жизни
 солнце светит скупо
 И бьют часы мелодию набата.
 Тревожно сжав сухой полоской губы,
 Она сидеть на лавочке не рада.

И было собралась она убраться,
 Тугим шарфом в груди зажав рыдания.
 Но час урочный, сжав на горле пальцы,
 Словно в часах, в ней перевёл дыхание.

Парк старый,
 обещанье не сдержавший,
 Листвой оплакал новую жилицу.
 Текла вода, скрипели стрелки дальше
 О том, что никогда не повторится.

ОСЕНЬ. ЗРЕЛОСТЬ. ТРИПТИХ

Маленький город

В этом маленьком городе
 слишком уж много людей,
 И за каждым углом
 до смешного знакомые лица,
 Тяжело ненавидеть,
 ещё тяжелее влюбиться.
 Отражаются будни
 в невытой оконной слюде.

В этом маленьком городе,
 что на великой реке
 (Пусть не самой великой,
 пусть рядом с великой, но всё же),
 Всё понятно и просто,
 как будто судьбу по руке
 Хиромант прочитает –
 и судьбы нелепо похожи!

В этом маленьком городе,
 словно бы Ле-Корбюзье
 Недостроенном
 из серогрубого недобетона,
 Каждый сам себе шут,
 каждый памятник сам и музей,
 Каждый носит свою
 из картона цветного корону.

В этом городе стынть
 и октябрьский лёд батарей,
 В этом городе вонь
 и удушливость летнего зноя,
 И Мещанство сидит
 на подъездной скамье во дворе,
 Как старуха с клюкой,
 неусыпно не зная покоя.

Она шутит и ржёт,
 на ходу сблеванув новый слух,
 Просыпая из рук
 наших душ непрожаренных семя –
 Слишком много людей
 и за слишком короткое время.
 Это маленьких город заводов,
 где воздух протух.

ХРОМОЙ СЕНТЯБРЬ

Всё происходит,
как должно происходить,
Произошло всё точно, как произошло.
Кипит вечерней суетой глубокий Дит,
Грохочет городом проснувшееся зло.

В плену кликушества и тесной суеты
Несутся проклятые спешно по домам.
Сибирский Стикс
сжимают медные мосты,
Свисает в воду
мёртвых бликов бахрама.

Хромой Сентябрь,
что на костяной ноге
Пришёл в провинцию,
на полпути простыл,
Зажав дыхание в изъязвленной руке,
В листве опавшей ищет
брошенный костыль,

Как горожане ищут в судорогах вотще
Согреться смысл
пред лицом лихой зимы,
И дело вовсе не в количестве вещей:
Мы все душой слегка убоги и хромы.

Один Сентябрь нас
способен полюбить,
Даря щедрое осеннее тепло.
Всё происходит,
как должно происходить,
Произошло всё точно, как произошло.

ЭТО БЫТ

Это зрелость, и осень,
и запах кошачьей мочи,
Это вспышки язвительных строк
без особых причин,
Ненормальная мать,
холодильник пустой и кошель,
Это капли графитного яда,
что в карандаше.

Это осень, и серость,
и сырость промокших дворов,
Быдловатость быков
и тупая безмозглость коров,
Это кислая затхлость постели,
не меняной год,
Это дом и работа,
набитый заботами рот.

Это запах кошачьей мочи
и ошмётки дерьма,
Это страхи в ночи
и пришедшая рано зима,
Это битва, где всё позабыто
и всякий забыт,
Это осень, безумие, холод и смрад.
Это быт.

ХОЛОДНЫЙ АВГУСТ

Холодный август – мятою под кожей,
Инъекцией покоя и мигрени.
Так зябко... Да на что это похоже!
Так зыбко обрётённое смирение.

Холодный август – тишина и ропот, –
Как холодок внезапного признанья,
Подарит тополям дрожащим шёпот
И клёну говорливому молчанье.

Холодный август оком микроскопа
Заглянет в твою душу без ухмылки.
Ты будешь тщетно думать о высоком,
Стихов сгребая пенные обмылки.

Холодный август каплей препарата
Размажет по стеклу прожитых будней,
Вручая запоздалую награду –
Неровный звук
кривой и старой лютни.

Ты заразился вирусом рутины.
Неизлечимо...
Не мечтай об этом.
Холодный август льёт новокаином
В остывшее сентябрьское лето.

* * *

Замкнулся день серебряным ключом.
Я медленно развешиваю вещи,
Твердя слова как будто ни о чём,
Стихи слагая будто бы о вечном.

День суетный был полон дум и дел,
Начавшись ссорой, ссорою закончен.
Я так хотел, чего-то так хотел –
И день долой... Давно уж дело к ночи,

А в мыслях мерных брезжится рассвет:
Всё бытие – одна большая стирка,
И я бельём лечу среди планет,
Трепещет незаплатанная дырка

Там, где душа. Я выстиран и бел,
Белей белья любого, и бывое,
В котором так нещадно пропотел,
Меня оставит, наконец, в покое.

Я выполоскан в щёлоке из слёз,
Дышать так полной грудью
много легче.
Струится Млечный Путь потоком звёзд –
Так ночью лунной мирозданье шепчет.

И где-то там, держа хвосты комет,
Знакомый водовоз прищурит глазом:
Всё суета, всё суета сует,
Избитая обыденная фраза.

Аргентум (Приходченко) Илья Олегович родился в 1991 году в Павлодаре. Получил высшее филологическое образование в Павлодарском государственном педагогическом университете (бакалавриат, 2012) и Павлодарском государственном университете (магистратура, 2014) по специальности «Русская филология». Работал в частном образовательном центре, в основной сельской школе, в средней школе в Павлодаре, в логопедическом образовательном центре, сейчас трудится в спортивно-образовательном центре.

Один из экспертов Тотального диктанта в Павлодаре, ежегодный лектор публичных курсов русского языка по подготовке к ТД. Публиковался в областных и республиканских периодических изданиях, литературных журналах («Айдын», «Найзатас», «Простор»), в сборнике «Ертыс толкыны», альманахах «Нигилист» (2015, Павлодар), «Казахстан – Россия» (Алматы, 2016).

